

Александр Дым

Заводные люди

Александр Дым

Заводные люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35500435

ISBN 978-5-0051-5177-3

Аннотация

Книгу можно охарактеризовать по-разному: криминальная драма, социальный боевик, субкультурный роман о футбольных хулиганах. Столкновения околофутбольных банд, конфликт между криминальным миром и обычными гражданами, любовная трагедия и безнадежный приговор, тихо дремлющий офисный бунт и выездное безумие. Наше время бесконечно разное, как бесконечно непохожи жизненные пути персонажей книги – лишь жизнь в России подводит их всех к единому знаменателю...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1.	6
Глава 2.	19
Глава 3. Марина	22
Глава 4.	26
Глава 5.	31
Глава 6. Перец	39
Глава 7. На районе	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Заводные люди

Александр Дым

Редактор Ольга Ашмарина

Иллюстратор Анна Шлеменко

© Александр Дым, 2020

© Анна Шлеменко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5177-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Все события и персонажи данной книги являются плодом чистой выдумки автора.

Любые совпадения с реальными персонажами и событиями являются непредумышленными; неточности и искажения в описании профессиональных будней героев являются допустимыми: главной задачей при создании произведения я считал не историческую точность, а передачу духа времени.

Книгу можно охарактеризовать по-разному: криминальная драма, социальный боевик, субкультурный роман о футбольных хулиганах.

Героев в книге много, но истинный герой у этой книги один: человек эпохи Постмодерна. Человек 21 века в мире, в котором фантастически продвинулись технологии и общество, но не изменилось главное – человеческая суть...

Александр Дым, 2016

Глава 1.

Прыжок в мясорубку

Зачем я здесь?

Что здесь делаю?

Это мой выбор! Только почему я сделал именно этот выбор?

Дима Бурый не переставал задавать себе эти вопросы каждый раз перед дракой – с того момента, как впервые поехал на акцию. С той юношеской жестокой уличной поры, как встал на путь футбольного хулигана. Сейчас за плечами была добрая сотня серьёзных массовых драк, но он все равно задавал себе всё те же вопросы – и каждый раз сам себе отвечал. Ответ Бурый знал всегда.

Таков его путь, таковы его люди. Такова его мужская самореализация. Потому что он выбрал эту игру себе сам.

За окном непрерывной смазанной лентой пролетали деревья, поля, пустыри на окраинах промышленных зон. Дима смотрел отстранённым взглядом сквозь грязное стекло электрички, в голове неторопливой строчкой бежали мысли.

Разбитые костяшки на руках ещё не зажили с прошлой драки – и, судя по всему, заживут не скоро. Конвейер не остановить. Быть частью Фирмы – значит вечно быть в со-

стоянии боя или подготовки к нему: этим футбольные хулиганы дышат, этим живут. Морально Диме было нечем оправдать то регулярное насилие, в мире которого он существовал как футбольный хулиган. Разве что тем, что их создала человеческая страсть к войне и противостоянию; потребность иметь свой личный истинно мужской уголок в мире, где таких уголков осталось исчезающе мало.

Предчувствие драки висело в воздухе чугунным топором; жгло душу, как железо обжигает кожу на сорокаградусном морозе. Околофутбол – это опасная игра. Как и всё вокруг, в сущности, подумал Дима. В жизни приходится играть дома и на работе. Люди играют в свои игры. Каждый сам себе выбирает поле по вкусу, сам определяет свой стиль игры. Одни играют расчётливо, выстраивая чёткую экономическую стратегию, как брокеры на бирже. Другие импульсивно, стараясь инстинктом делать верный выбор, ведущий к желанному бонусу. Про тех, кого инстинкты и предчувствия подводят, не зря потом понимающе говорят: «Доигрался...».

Бурый в глубине души верил древним, которые видели суть жизни как игру, в ходе которой боги испытывают человека и дают ему обрести через жизненный опыт свою истинную суть. Выбора в любом случае нет – ведь те, кто играть отказываются, подлежат выбраковке высшими силами. Фирма создана, чтобы драться. Фирма существует: значит, она часть Высшего замысла.

В многочисленных уличных драках Диме трижды ломали

нос, порвали веко; он заработал два сотрясения мозга; у него не хватало четверти зубов, были выбиты суставы пальцев, сухожилие на правой руке сдвинулось на сантиметр. Диму били руками и ногами, бутылками и арматурой, стреляли, арестовывали, отправляли в больницу. Но это изменило лишь то, что лицо и костяшки рук со временем покрылись мелкой сеткой шрамов. Враги могли ранить тело – но что они могли поделать с сутью? И, раз за разом, придя в себя, Дима упорно возвращался в строй. Это была его отличительная черта с детства – и детство закалило эту черту. В своё время в школьные годы он много лет, в любую погоду, каждый день ходил на турник во дворе и оставлял там все силы. Снег, дождь, мороз, град, жара. Устал, лень, неудобно. Это ничто. Был он и была цель. И он шел к турнику – в любую погоду и в любых состояниях, если был на ногах. Если он что-то для себя решал, то обычно он следовал этому дальше неукоснительно. Отцовская порода, говорила мать. Упрямый и упёртый.

Высокий, подтянутый и худощавый, с упрямым лицом, вечными мальчишескими светлыми вихрами на макушке и веснушками на скулах, Бурый всегда вставал в первый ряд – ибо с самого первого дня в футбольном хулиганизме он твёрдо решил для себя, что других рядов в бою не существует.

Менять всё равно ничего бы не стал, даже будь возможность вернуться в прошлое. Дима считал это справедливой

ценой за те адреналиновые приходы, что пережил, – и за тот жизненный опыт, который приобрёл.

В драках ли было дело... Скорее, в друзьях, в ощущении того, что он – это часть могучей и безбашенной силы. В глубоком уважении к личностям рядом, с которых хотелось брать пример.

Бурый потёр костяшку на левом кулаке, которая неожиданно начала зудеть. Верная примета – скоро быть драке... Делай что должен, и будь что будет.

*– Бурый, хватит залипать в окно, философ хренов! Ро-
жу лучше разомни, чтоб на работе опять за синяки премию
не срезали!*

Насмешливый голос Малыша вывел его из задумчивости.

– Андрей, держи хрен бодрей. – Дима перевёл свой взгляд на габаритного приятеля и едко улыбнулся. — *Я в порядке, братик.*

Они стояли втроём немного в стороне ото всех: Бурый, Ярик и Малыш.

Вокруг мелькали знакомые до боли лица, перепаханые многочисленными драками. Тридцать парней. Под расстёгнутыми ветровками у многих виднелись бригадные майки со злыми смайликами, под которыми светилось готическим шрифтом название их конторы: ***Evil Faces***. Все сокращали это название до более короткого и ёмкого слова: Фэйсы.

Бурый отчётливо ощущал нутром тлеющую внутри адреналиновую бомбу. Её рождает в теле неопределённость.

Опасность. Неведомая опасность. Неизвестность. Вспомнилась речь деда из глубокого детства, когда тот о чём-то спорил с отцом.

– Будущее непредсказуемо. Плюнь в глаза любому, кто думает иначе. — Дед резко повысил голос. — Их слова пахнут фатализмом. Ты можешь закладывать и прогнозировать любые основы, но вряд ли спрогнозируешь упавший на голову кирпич или рак. Сын, после некоторых ситуаций жить по-прежнему уже бывает невозможно. Перейдя эту черту, ты либо рождаешься заново, либо ломаешься.

С возрастом Дима узнал, что иногда одна встреча способна изменить жизнь в корне, дать проявиться в характере неизвестной ранее стороне. Многие из людей живут не одной жизнью. Иногда эти жизни даже не соприкасаются. Их новые стороны открывает инстинкт, а часто просто случай. Он не был исключением.

У большинства из тех, кто нас окружает, – больше двух жизней, проживаемых параллельно. Бурый наблюдал это по приятелям. В одной жизни приличный человек – когда он дома, с близкими. Через час уже совсем другая личность общается на работе, с коллегами. Третий человек вылезает ненадолго, на пару вечеров в месяц: трахает проституток, напивается в пабах, употребляет наркотики в машине под ночным мостом под ганста-рэп или ожесточенно пинает тело забрызганными кровью кедами в темном переулке. И всё это ведь как-то органично укладывается в одном и том же

человеке!

Аспекты личности в людях засыпают и просыпаются, когда приходит их время и складываются условия внешней среды. Какой из них вырвется на свет в свой час и будет доминировать по итогу – кто его знает. Это вне прогнозов. И ботаники вдруг становятся экстремистами, а хулиганы – тихими богобоязненными примерными семьянинами. Дима боялся загадывать, кем по итогу станет он сам...

Пассажиры тем временем проходили через их вагон и не задерживались. Их можно было понять: не знай Дима присутствующих лично и с детства, сам бы предпочел избежать подобного соседства.

Очередной пассажир вёл на поводке пса, молодого кобеля немецкой овчарки. Дима увидел его – и в сердце что-то ёкнуло... Пёс неожиданно остановился рядом с ним и, глядя улыбающимися умными глазами, приветливо лизнул Димину руку.

– *Не бойтесь, он не кусается!* – смущённо улыбнулся его хозяин.

– *Я и не боюсь,* – спокойно ответил Дима и, протянув руку, потрепал виляющего хвостом пса по загривку. Он очень грустно улыбался, глядя вслед уходящим человеку и собаке: своего верного друга Дима похоронил полгода назад. Пса отравили «догхантеры». Дима с тех пор внимательно наблюдал за раскидывающимися что-либо во дворах и парках людьми. Он знал, что однажды ему попадётся один из них –

и ответит...

– *Тоскуешь по Лютику?* – участливо спросил наблюдавший эту сцену Малыш.

– *Это была не просто собака – Дима посмотрел другу в глаза – С ним ушла часть сердца. Я любил этого пса как любят родного человека...*

– *Держись, дружище.* – Малыш хлопнул его по плечу – *Держись. Наши младшие братья может и не так умны как люди, да только многие из них в отношениях с людьми проявляют себя существами с гораздо более чистой, преданной и любящей душой, чем может вообразить себе человек... Я понимаю твою потерю...*

Рядом спокойный голос Ярика произнёс в телефон:

– *Через пять минут будем. Ждите.*

Ярик отнял трубку от уха. Что-то в выражении его лица решительно не понравилось Бурому. Он слишком хорошо знал этого человека.

Ярик. Лидер их толпы камикадзе, уж это Дима прочувствовал на своей шкуре не раз. Ярик был крут в махаче, харизматично и внушительно смотрелся, хорошо говорил, обладал лидерскими качествами – за ним шли в пекло.

Только была у Ярика одна тёмная черта: он постоянно что-то недоговаривал, причём за это часто расплачивались все.

– *Ярик, честно скажи – сколько их будет? Это ведь Берсы, непорядочные люди.*

Ярик вызывающе посмотрел Диме в лицо и улыбнулся.

– *Их будет не больше полтинника.*

Рядом тут же тихо взвыл Малыш, которого накрыло неожиданное понимание того, что сейчас произойдёт. Малыш добрый и сильный. Любит друзей и подражаться тоже любит. Сколько Бурый его помнил, он «подписывался в любые блудняки». Сейчас проняло и его.

– *Чтооо? Опять???*

Дима почувствовал на секунду, что теряет самообладание.

– *Ярик, ты м*дак. Их там в три раза больше будет.* —

Он закрыл глаза, выдохнул, спустя секунду открыл и постарался сказать как можно более спокойным тоном: — *А парням ты сказал, что договорился ровно на ровно, а не «все на все»! Мы бы больше бойцов привезти могли!*

– *Бурый, да они ни о чём. Вынесем и так.* – Ярик выглядел абсолютно уверенным в своих словах, произнося это. – *И парням не надо лишний раз волноваться. Всё получится.*

Электричка начала тормозить. Дима с Малышом переглянулись, одновременно ощущая, как по телу ползут первые мурашки адреналинового прихода. Бурый покачал головой.

– *Теперь уж хули тут поделать...* – Малыш в ответ пожал плечами. Про себя он подумал, что как раз сделать что-то было ещё можно: например, не выходить из этой электрички. Но было поздно – парни были уже заряжены и подобное предложение было бы встречено конкретным непониманием.

Ярик тем временем резво повернулся к мобу и заорал во всю глотку:

– *Наша станция! Выходим! В темпе, в темпе!!!*

Фирма вышла из электрички на платформу.

Дима огляделся. Потрескавшаяся от времени бетонная платформа – столь незначительная, что железная дорога не посчитала нужным держать на ней кассу для продажи билетов. С одной стороны виднелся лес, с другой поле, за которым вдалеке маячили дачные домики. Это было весьма безлюдное местечко. Хотя не такое уж и безлюдное.

Менее чем в сотне метров от них на платформе стояла черным квадратом готовая к бою чужая бригада, которая при виде их немедленно оживилась и начала движение с громкими криками.

– *Погнали, мафия!* – заорал Ярик.

Фэйсы мгновенно построились и плотным ядром двинулись на врага.

– *Не нае*али,* – Олег даже удивился про себя. И правда, на вид их было около тридцати. Дичь сама пришла в капкан.

Он сидел на лавочке на противоположном перроне, через пути ото всех. Пять минут назад Олег говорил с Яриком по телефону, а сейчас ощущал себя дирижёром адской консерватории, создающим взмахами жезла пускай незамысло-

ватую, но очень зажигательную симфонию. Всё как по нотам. Нотам, написанным брызгами крови. Настал самый интересный момент концерта по заявкам любителей оголтелого мордобоя.

Немного наклонив голову к плечу, Олег внимательно наблюдал сквозь стекла вагонов, как по противоположной стороне платформы идут Фэйсы.

Электричка тронулась и уехала, освобождая ему обзор. Яростные вопли нарастали, прорываясь в воздух разрядами излишнего эмоционального накала. Две толпы сошлись. Первые тела рухнули, сцепившись, на грязный бетон. Evil Faces начали теснить врага, который стойко держался – терпя бойцов, но не убегая. Развязка стала казаться очевидной.

Олег вскочил на ноги, поднял телефон к уху и отчаянно закричал, перекрывая хриплым басом полное криков и шлепков ударов акустическое пространство:

– Ваша очередь! Вперёд! Погнали! Бегом!!!

Начало драки складывалось, по ощущениям Фэйсов, неплохо. Они врубались в толпу врага – и враг очень быстро дрогнул, начал потихоньку отступать.

Воздух вокруг Бурого словно закипел, пришел в хаотичное движение. Огромная туша Малыша рядом работала как гидромолот – размеренно забивая в людей пудовые кулаки,

Мальш умудрялся колотить несколько человек одновременно. За него можно было точно не волноваться.

Сложив пополам ударом в солнечное сплетение габаритного оппонента, Дима едва уклонился от резкого крюка с другой стороны, продолжая свой «танец боксёра» – классическая работа по линиям, масса летает вокруг оси. Двойка, уклон, двойка, боковой. Следующий тип перед ним осел на землю без сознания. Подбородок у всех стеклянный, Бурый усвоил это давно. У Ярика неподалёку дела шли гораздо хуже. Бурый бросился к нему на выручку. Коротко разогнавшись, он всадил оппоненту Ярика локоть в ухо, посылая очередное тело на грязный бетон. Добить, добить – чтобы не встал, не прыгнул снова, в спину.

Их ноги месили рухнувшую тушу, и Ярик орал ему в гущу сечи:

– *Я тебе говорил! Бурый, они г*вно!!!*

– *Подстава! Их тут тьма!!!* – раздавшийся сзади крик был полон паники. Ярик бы всек паникёру, да было никак не добраться назад до него, сквозь злую кутерьму кулачного замеса.

Из подлеска неподалёку целеустремлённым клином вырвалась и уже забегала на платформу в спину Фэйсам ещё одна толпа. Их было как минимум в два раза больше тех, с кем они сейчас зарубились. Спустя считанные секунды в их задние ряды врубился куда более качественный состав...

Конец, подумал Бурый. Клещи сжались, перерабатывая

тела многорукой мясорубкой. Град ударов, теперь уже с двух сторон, сложил их в курган из неподвижных тел, на котором радостно прыгала победившая сторона.

Бурый лежал рядом с Малышом на платформе, прижав руки к голове. Они лежали почти рядом, в полуметре друг от друга, лицом к лицу. Вокруг прыгало несколько человек, ожесточённо втаптывая ногами их тела в бетон.

На противоположной стороне платформы Олег с улыбкой вытянул перед собой руку с поднятым вверх большим пальцем – и перевернул её. Словно римлянин, который решает участь гладиатора. Казнить, нельзя помиловать.

Удары сыпались непрерывно и Бурому сейчас хотелось только одного: чтобы всё это побыстрее закончилось. Сквозь сжатые у лица руки он всё-таки нашёл в себе силы ободряюще улыбнуться Малышу, когда очередной пинок в голову выключил свет.

Враги ушли. На платформе осталась лежать куча тел без сознания. Лишь часть нашла в себе силы встать и начала помогать другим...

Дима открыл глаза и перекатился на бок. Встал на четвереньки, бессильно склонив голову. В голове, где-то глубоко внутри, гудели пудовые колокола. Во рту ворочался металлический привкус. Из носа на платформу закапала яркая алая кровь. Краем глаза он заметил, что прихрамывающей походкой к нему кто-то подходит сбоку. Крепкие руки Ярика подхватили его. Дима смог встать, держась за друга.

Он посмотрел на лицо Ярика. Сплошное месиво, а улыбка светится. Ну что за человек такой...

– Всё равно Берсы дерьмо. Без засады огребали.

Бурый запрокинул голову, чувствуя, как грудь распирает безумный смех. Ярик засмеялся следом. В метре от них застонал, приподнимаясь, Малыш.

*– Ярик, ну ты и у*бок. В последний раз это тебе с рук сойдёт. Только давай в следующий раз всем составом поедем.*

Глава 2.

Разговор на рынке

Рынок был построен при советской власти и уже тогда при нём постоянно крутились мутные люди. Базар есть базар: тянет определённые породы людей к себе вместе с непрерывным потоком денег. В девяностые этот рынок долго и ожесточённо делили несколько ОПГ, пополнив московские и подмосковные кладбища парой десятков гранитных надгробий с высеченными на них чёткими пацанами в кожаных куртках поверх спортивных костюмов.

Спустя много лет хозяин у рынка был уже один, а уровень сервиса и косметический евроремонт сделали рынок торговой точкой двадцать первого века. В будни днём посетителей было не особо много, толпа бывала только в выходные.

В их бизнесе для делового человека это было самое удобное время поговорить о делах, не уходя далеко от своей торговой точки. Два частных предпринимателя, Степан и Марк, стояли у магазинчика Марка, неторопливо разговаривая обо всём. Рядом с ними топтался квадратный Боря, охранник Степана.

Разговор шел тяжёлый, и лица предпринимателей были хмурыми и неудобными – как у людей на выходе из аэропорта, которые прилетели в февралье в Норильск сразу после

двухмесячного отдыха на тропическом острове.

Высокий дородный Степан рубил ладонями воздух перед собой, глядя сверху вниз на худощавого Марка:

– Ты сказал, это нормальные люди! Я послушал тебя и тоже взял у них в долг. Теперь они требуют не просто проценты. Они всё хотят отнять!

– И тебе и мне на тот момент или деньги быстрые были нужны, или вообще закрываться. Не гони, Стёпа. Выхода не было. Сейчас другая ситуация и надо из неё свой выход искать. Договоримся или в полицию пойдём. Я пока их избегаю: ищущу человека, чтобы вопрос решить, – спокойно отвечал Марк, разводя руками.

Степан тяжело вздохнул и с ехидцей спросил:

– Марк, ты в себе? Ты бы видел, кто ко мне от них приходил, от людей этих. Душегубы. И с ними был человек с удостоверением подполковника.

– Это Россия. – Марк почесал затылок. – На каждую хитрую задницу свой винт с резьбой найдётся.

Степан сплюнул на землю и кивнул за спину, на Борю.

– Ты оптимист. Я себе охранника нанял. И тебе рекомендую.

– Не ссы. А если ссышь – езжай в Англию как Чичваркин. – Марк улыбнулся. — 2015 на дворе, граница для всех недовольных открыта.

– Он потому и свалил, что наезд отбить не смог. А мы с тобой – далеко не Чичваркины. Созжрут с дерьмом, – мрач-

но выплюнул слова сквозь зубы Степан.

Марк протянул Степану руку.

– Или подавятся. Поживём – увидим. Бывай, Стёп. Береги себя.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Уходя, Марк кинул взгляд через плечо и почувствовал неожиданный укол страха в сердце.

Марк знал легкую походку Степана: сейчас ему вдруг показалось, что старый приятель идёт, будто ноги его связала огромная тяжесть...

Глава 3. Марина

На кольце великого библейского царя было написано, что всё пройдёт – и это тоже пройдёт. Вопрос времени. Всё происходящее быстро уходит в прошлое и рано или поздно остаётся позади. Так будет в любом случае.

В жизни Марины позади осталось многое. Когда умерла её мать, она была еще подростком. Отец загулял и начал бесконечные алкомарафоны. В доме постоянно стоял пьяный ор и висела пелена табачного дыма. Отец водил домой взрослых распутных баб, которые в пьяном состоянии над ней издевались, говорили гадости, без спроса брали её вещи. Оскорблений она никогда и ни от кого не терпела, несколько раз ей даже пришлось с ними подраться. Отцу было всё равно. Со временем с отцом она вообще перестала разговаривать, как и его родной брат. Марина росла, глядя на это; проникаясь отвращением к тому, как стремительно и мерзко можно деградировать. Потом отца убил инсульт и для Марины начался новый виток, оставив навсегда в душе шрамы и отвращение к шлюхам и запойным алкашам.

Она осталась одна в большой квартире, но отнюдь не чувствовала себя одинокой – любимый дядя помог с ремонтом, а дальняя родственница с устройством в институт.

Сегодня вечером позади осталась сессия: легкий и даже по-своему приятный эпизод в череде прошедших жизнен-

ных событий. Марина ощущала, что может теперь позволить себе нормально отдохнуть и расслабиться. Четвёртый курс вышел непростым – особенно экзамен по основам этнологии. На истфаке было интересно, разве что увлекательность подачи предмета крайне зависела от личности преподавателя. Некоторые умудрялись превращать глубокие исторические темы в нудную тягомотину, другие наоборот: скучную программу обращали в исторический фейерверк.

Марина любила свою профессию. Пускай история во многом лукавила, пускай её переписали сотни раз – в любом случае прикосновение к старине даже в мыслях было неизменно завораживающим и познавательным делом. Марина сдала эту сессию на отлично. Всё было позади, и можно было побездельничать.

Она обожала эти вечерние посиделки с подругами. Вечер, любимое кафе на крыше небоскрёба, разговоры обо всём под кальян и винишко. Подружки Маша и Лариса любили поговорить, особенно на щекотливые темы. Чего еще девочкам надо для счастья после работы: немного вина да разговоры за жизнь.

Лариса, отхлебнув вина, задумчиво бросила в никуда:

– Рыцари, рыцари... Присказка отстойная...

Почувствовав шанс немного поумничать, Марина двинула речь. Её пока не до конца отпустила сессия.

– Там было жёстче. Преподаватель по истории рассказывал. Средневековый рыцарь вряд ли бы вызвал романти-

ческие чувства. Требовалось несколько часов, чтобы надеть полную броню перед сражением. Рыцари потели в доспехах, латы раскалялись на солнце. Эти ребята гадили прямо в доспехи, потому что невозможно было их быстро снять...

– Какая гадость! – Лариса поморщилась и демонстративно уставилась в сторону.

– Многие сражения длились сутки и более. Даже турниры продолжались часами. – Марина злорадно продолжала, смакуя подробности. — Запах и гигиена этих благородных сэров после совершения подвигов были таковы, что ответить им сразу взаимностью могла только дама с прижатым к носу и густо пропитанным духами платком...

Она с удивлением обнаружила, что смогла выговорить эту фразу, несмотря на уже порядком заплетающийся язык. Подруги приканчивали вторую бутылку пинотажа – винишко оказалось отличным. Они часто смеялись и чувствовали легкую эйфорию.

Телефон Марины завибрировал и начал мигать. Она открыла меню, сердце радостно ёкнуло.

Там было SMS от Димы: *Скучаю. Ты замечательная.*

Губы растянула в стороны мечтательная улыбка.

Маша заглянула из-за плеча в её телефон.

– Зацепил он тебя, да?

– Я встретила своего человека. – Марина в ответ пьяно кивала головой и глупо улыбалась. – Остальное не волнует.

Огни города где-то внизу мерно пульсировали в такт её

мыслям. Любимый где-то там. И сердце с ним.

Глава 4.

Корпоративный разнос

Если в футбольный хулиганизм Диму привел естественный путь воина, то отношения с работой развивались гораздо более противоестественно – он был на нынешней работе исключительно благодаря силе социальной инерции. Родители с детства вложили в него алгоритм стандартного жизненного пути образованного горожанина из приличной семьи: институт, потом работа в офисе. Дима получил высшее образование и начал долгое скитание по офисам – повинуюсь исключительно данной ему в детстве родительской установке. Со временем он понял, что может быть и другой выбор, что можно достойно зарабатывать деньги и вне офисов, и даже без высшего образования. Были бы работающая голова и хорошие руки.

Стальными цепями пресловутая зона комфорта и хороший корпоративный пакет держали его на привязи, только карьера в финансовой корпорации капитально не складывалась. Мешали принципы, открытость и то, что он был парнем с улицы, а тёплые места в корпоративных пирамидах были кормушкой совсем для другой категории людей. Волею судьбы и собственными стараниями в перспективе можно было дорасти куда-нибудь до уровня начальника отдела или

управления с шестнадцатичасовым рабочим днём, но дальше возникал барьер, проломить который удавалось очень немногим. Оставалось пока плыть по течению офисной жизни и искать в жизни шанс что-то изменить. И увидев этот шанс, окно возможностей – суметь им воспользоваться...

Дима завис в своих мыслях – и рабочий компьютер при загрузке завис, словно в такт. Айтишники сволочи... Опять какие-то работы на корпоративном сервере проводят. Технологии совершенствуются, но компьютеры всё равно тормозят.

Много лет назад у Бурого на работе был «джихад» с его рабочим компьютером. Он тупил как скотина. Дима бил его ботинками в железный бок и мечтал, чтобы внутри было колесо, в котором бы бегало несколько карликов. Бурый бы бил их кнутом, компьютер работал бы быстрее. Железный бок много стерпел, рабочие задачи по итогу были выполнены. Спустя годы прогресс лишил Бурого и этого: на ноутбук рука уже не поднималась...

Каждый раз, сталкиваясь с отказывающимся работать принтером, с «синим экраном смерти» компьютера, с очередным подвисшим онлайн-роликом или неопределяющимся при подключении девайсом, он первым делом напоминал себе, что операционные системы создал человек. Дети наследуют пороки мышления своих родителей.

Бурый с возрастом и опытом как-то интуитивно пришёл к одинаковой терминологии: как в отношении компьютера,

так и в отношении сознания человека применимо одно и то же слово – «глючит». Слово, символизирующее тотальный уход от объективной реальности в сочетании с невозможностью решать текущие задачи. Он наблюдал это в корпорации ежедневно, глядя на коллег.

Дима видел изо дня в день, как люди тут так же отчаянно «глючат» и «косячат», как и компьютеры. Одни проваливают дела, другие теряют сохранения в программах и играх. Все подвисают.

Более того: так же, как и в компьютер, в голову могут попасть вирусы, которые по итогу сделают человека навсегда или на время «офлайн». У людей эти вирусы бывают сотен видов: секты, идеологии, тайные общества, религиозные организации, компании беспредельщиков и наркоманов, корпоративные фашисты, политические фуфлогонны, философы разложения и далее по списку.

Бурый сейчас был в обороте у корпоративных фашистов. Врываясь в его неторопливые размышления, зазвонил служебный телефон:

– *Дмитрий, пройдите ко мне в кабинет.*

Костюм, галстук. Каждый раз, одеваясь в эти шмотки, Бурый не мог отделаться от чувства, что надевает больничную пижаму пациента дурдома. В корпоративном лицемерном бардаке временами он чувствовал себя тем самым пациентом дурдома. Сейчас вот легко представлялось, что он на приеме у шизофренички в компании конченого дауна.

Это было ближе к правде, чем сухие названия их должностей.

Он вошел в кабинет к руководству и сел на стул. Утро, которое начинается в офисе, редко бывает позитивным. Оксана, чёрт её подери, Валерьевна.

Дима сидел за столом и ощущал на себе взгляд: любопытный и злорадный. Положив руки на стол перед собой, Бурый начал разглядывать костяшки. Они посинели и опухли. Под глазом жизнерадостно светился хорошо затонированный фингал. Какой же я сейчас «красавчик», флегматично подумал Дима.

Напротив Бурого за столом колыхалась жирная туша из его отдела, Игорь по прозвищу Пингвин. Стукач, подлиза, дерьма кусок. Он был выше Бурого на голову и гораздо здоровее, но Дима знал, что у него нет духа. Просто разожравшийся кусок дешёвого шашлыка, корпоративный шакал – здесь таких любят. В тюрьме Пингвин стопудово получил бы погоняло «Композитор». Такие как он вечно «пишут оперу».

Бурый давно мечтал выбить из него дерьмо, но надо было сдерживаться. Менять работу пока не в планах. Просто знал, что однажды настанет день – и этот тварёныш будет визжать как свинья, когда познает ярость хулигана.

Оксана Валерьевна во главе стола пристально смотрела на них по очереди.

Пингвин, недобро и исподлобья глядя на него, елеиным голосом излагал:

– Проявленные Дмитрием коммуникационные ошибки подрывают репутацию нашей компании. Замечу, помимо этого он разлагает коллектив. Регулярные нарушения трудовой дисциплины.

– Дмитрий, компании могут дорого обойтись ваши действия. — Оксана Валерьевна подхватила. — Могут стоить потери клиента. Я знаю, что ваш клиент непростой в общении – но и деньги вам не за красивые глаза платят.

– Этот клиент меня своим холопом считает. – Бурый вяло оправдывался, понимая, что по корпоративным понятиям он реально виноват. — Я после общения с ними ощущаю себя жертвой психологического изнасилования.

– Дмитрий, это не повод говорить представителю клиента, что вы разберётесь с рабочим вопросом без советов человека с бракованным мозгом!!! Вы в своём уме??? – Оксана Валерьевна взорвалась. — Это наш с вами последний разговор на эту тему. Ещё один случай, и наша компания прощается с вами. В этом квартале вы лишаетесь премии и всех бонусов. Можете идти.

Опасный признак: он почувствовал, как желваки начали вздуваться и ходить ходуном. С языка невыпущенной стрелой рвалась язвительная фраза, но Дима подавил её в себе. Ослабил тетиву. Сам виноват. Надо быть сдержаннее. Такие тут правила игры. И это он их нарушает. Встав, он молча вышел.

Игорь смотрел ему вслед и злобно улыбался.

Глава 5.

Работа с клиентом

В той жизни, в которой Сергей Уживалов сумел наиболее полноценно самореализоваться, его звали с юности Серёга Уж. Сам Сергей ощущал себя скорее королевским питоном, нежели заурядным ужом.

Сергей с молодости знал, как всё устроено – понимал свою нишу в системе координат этой среды: взглядом представителя организованной преступности. А что тут сложного? Уж понимал: у всех своя работа. Овощи ходят к станку и производят своим трудом капусту. Собаки охраняют сочные кочаны своих хозяев, кидающих им за эти труды и риски косточки. Люди долга, да хули толку.

С одной стороны закон есть закон, но с другой стороны всё иначе: почему-то одним преступать закон можно и простибельно, а другим запрещено. Уж ежемесячно делал криминалом свои скромные несколько миллионов в месяц и знал, что ему многое запрещено: его просто терпят, пока он платит дань. А кто-то спокойно себе воровал миллиарды и не парился. Разрешено. В бандитской системе координат это было в принципе справедливо, но всё равно обидно. Хотелось побыстрее туда, где крутятся безнаказанные воровские миллиарды. Кокаин, блэк-джек, шлюхи, яхта и неприкосновен-

ность.

Его работа была не лучше и не хуже. Было своё место в давно и прочно устоявшейся пищевой цепочке: кормить псов и резать сочные кочаны. К счастью, не все они хорошо охранялись. К счастью, немало шавок были готовы есть с руки. Сергей уже перевалил за пятьдесят лет: он бандитствовал, отсидел, снова принялся бандитствовать. И в целом понял, как устроен социальный мир. В нём оказалось немало теплых мест для таких как Сергей.

В далеких девяностых Уж был бригадиром в одной из ОПГ спортсменов – блатные называли их беспредельщиками. Тогда он не учуял дух времени: однажды утром спецназ выбил двери его квартиры, ему сломали пару рёбер для профилактики и увезли в тюрьму. Спустя одиннадцать лет Сергей вышел на волю и обнаружил вокруг абсолютно иную реальность.

Его старая ОПГ развалилась и разбежалась. Кушать на что-то было надо. Сергей собрал коллектив из пары десятков бойцов, поднял старые связи и организовал полукриминальный бизнес. Спустя три года после выхода из тюрьмы под ним ходило коллекторское агентство, риэлтерская фирма, появились интересы в нескольких управляющих компаниях. Общество менялось, государство закручивало гайки и как-то само собой пришлось перейти с выбивания долгов на захват недвижимости, любыми путями. Главное, сойти за добропорядочного. Хотя бы попробовать.

Организованная преступность тоже работа – со своими условиями, рисками и неплохими бонусами. Бригада Сергея нашла хорошую крышу в высоких кабинетах и не особо парилась. На воле двигаешься – в тюрьме пацанам по-любому будет грев. Становишься циничным как отец, который везёт сдавать своего сына в детский дом в майке с надписью ЛУЧШИЙ ПАПА В МИРЕ.

Работу людям Сергей давал интересную, хоть и нервную. Процент отдавал кому следует. Всё нравилось, такой уж родился породы. Волчьей. Из философствования и воспоминаний Ужа резко выдернул протяжный стон терпилы.

Обычный рабочий вечер: немного грубости, немного крови – и очередная порция «капусты» ждёт своих героев. Этот «офис» был предназначен именно для таких дел. Сергей глубоко затянулся сигаретой и принялся медленно выпускать клубы дыма под свод металлических ферм. Огромное пустое помещение склада, который когда-то отжали у просчитавшегося с крышей коммерса. Уж вспомнил, как коммерс забавно подвывал, когда Паха сломал ему битой коленную чашечку. Вокруг промзоны да пустыри. Ори, кричи – никто не придет. Да только сил кричать после того, как с терпилами поработают Дато или Паха, у них обычно не оставалось.

Сергей занял место позади одинокого стула, стоящего в самом центре помещения. К стулу был привязан терпила. Как его там зовут кажется, Марк. Лицо коммерса разбито в хлам. Работа мастера. Лицом к Ужу, нависая над коммер-

сом, стоял Дато.

Дато по прозвищу Стамеска. Руки в перчатках, перчатки окровавлены. Дато бьёт страшно и умело: коротко, хлёстко, вкладываясь корпусом. Летят брызги крови.

Терпила застонал и выплюнул несколько зубов.

С Дато они вместе уже давно. Он оказался очень эффективным кадром для целей такого бизнеса, в своём узком профессиональном смысле. В двухтысячных Стамеска был членом одного из грузинских воровских кланов и активно «двигался по воровской теме». Он был ближайшим сподвижником вора Резвана Имеретинского, но когда его покровитель был «раскоронован» за растрату общака, а затем зарезан на одной из пересылок, Дато предпочёл уйти в тень и вышел из глобальных воровских игр.

Его контакты и умение решать щекотливые вопросы дали ему новую работу. Дато стал неформальным командиром особой бригады уголовников в составе маленького синдиката Сергея – подразделения для по-настоящему грязной работы. Дато умел решать различные вопросы с традиционным старым воровским криминалом. Дато любил бить людей. Даже пытаться. При этом парадоксальным образом боялся боли сам.

Рядом с Дато, чуть позади, стояли Армен и Паха. Давили на нервы дополнительно своим внешним видом. Элемент устрашения. Сергей уже привык к этим гнусным уркаганским ромам с синей вязью расплывчатых татуировок: Ста-

меска знал, кого вербовать. Обычные граждане от такого соседства обычно стремительно менялись в цвете и теряли свои нервные клетки.

Стамеска орал в лицо терпиле, брызгая слюнями:

– Ну что, ишак, сразу не стал решать вопрос – и что?

Люди за тобой бегают, мы им зарплату платим. Ресурсы. Время. Это проценты. Слышишь, тварь?

Дато ударил наотмашь Марка по лицу.

– *Переписывай всё имущество. Или тазик, цемент и устье*

*Яузы. Мы уже с тобой за*бались.*

Марк посмотрел на Дато и плюнул кровью под ноги.

– *Ладно. Чёрт с вами. Дом в деревне оставьте только.*

– *Что за дом? Соток сколько?* – Дато вцепился в него как

клещ.

Сергей потушил окурок об затылок Марка, тот закричал.

В ноздри ударил запах палёного коммерса. Силы у страдальца были явно на исходе. Марк потерял голос посередине вопля, начал молча хватать воздух ртом.

Сергей подмигнул Дато. Развернулся и пошёл к выходу.

Дела не терпят.

Однажды Сергея спросили: – *Тебе самому от твоих дел не страшно?*

Сергей знал ответ. Даже у бандита есть своя правда. Кто-то скажет, что это ужасно. А что вы хотели? Вы сами создали Ужа. Всех тут, на этом складе, пыточных дел мастеров.

Мечтать об идеальном мире не вредно – но мечтать мало:

человечеству надо ещё и соответствовать.

Очевидно же, что миру нужны и другие. Те, кто ср*т в вашем лифте; пишет на вас кляузу на работе; спит с вами, не долечив свой триппер, или банально даёт вам в подъезде по башке кастетом и экспроприирует с тела остатки квартальной премии. Они тоже создают мир своими делами, и с этим ничего не поделать.

Сергей с метафизикой был аккуратен и, в целом, считал упрощённо, что если он есть – значит зачем-то Вселенной он нужен. Тотальной духовностью человечество никогда не страдало, и ему это явно не грозит, да и надо ли? Если так есть – так и должно быть, пока мы позволяем себе быть такими. Значит, быть и таким собратьям среди нас. Мы есть то, что есть. Полубезумный, эволюционирующий рывками биологический вид.

Создатель явно не планировал для человечества общество тотальной гармонии: ему хотелось больше борьбы и экшна, больше страдания на личном уровне. В законах этого мира в рецепте человеческой жизни каждому отмерены свои порции волшебного напитка из мёда с дерьмом и кучей эмоциональных специй. Одни люди в жизнь подмешивают мёда, другие дерьма – третьи так, для приправы. А мы хаваем, иногда плюемся – но хаваем. Бывает сладенько, но многие блюют, и не по разу. Умные от этого становятся с возрастом гораздо разборчивее в своих желаниях. Мерзкая метафора, но и жизнь временами штука довольно мерзкая.

Не нам судить, тут повару виднее. Каждый в свою очередь играет роль мёда или дерьма в гипотетическом вкусе чужой жизни, каждый создает своими действиями свою и чужую реальность. Рецепт есть, и каждый зачем-то нужен себе и другим – записан в рецепте жизни другого человека, иногда с пометкой на полях «одерьмитель» или «подсластитель», «стимулятор» или «затупитель».

Ложка за ложкой, порция за порцией – с каждым новым человеком и ситуацией в нашей жизни.

Сергею очень понравилось во время просмотра фантастического сериала «X-files», как гениально про это выразился один из героев, Курильщик:

– «Жизнь... жизнь похожа на коробку шоколадных конфет. Дешёвый, глупый, небрежный подарок, о котором никто никогда не просил. Его нельзя вернуть, потому что всё, что ты получишь взамен, – это другая такая же коробка конфет. И вот ты вынужден довольствоваться взбитой мятной чепухой почти неопределимого вкуса, которую обычно бездумно поглощают зрители во время наблюдения за игрой в отсутствие какой-либо иной еды.

Да, конечно, иногда тебе достается чашечка с арахисовым маслом или английская ириска, но такие моменты проходят слишком быстро, и их вкус скоро забывается.

В конце концов, ты остаешься ни с чем, кроме раскрошенных остатков конфет с застывшим желе и зубодробительных орехов, и даже если ты отчаялся настолько, что-

бы доесть и это, тебе все равно, в конце концов, остаётся только пустая коробка с фантиками»...

Сергей с Дато и пацанами приходились часто кому-то не по вкусу, но не переживали сами по этому поводу – значит, такая кухня. Им некогда было переживать.

Они пожирали всё на своём пути и были всеядны.

И были вечно очень голодны...

Глава 6. Перец

Некоторые моменты офисной жизни Бурому нравились. Словно подчиняясь вселенской закономерности, в каждом офисе, в котором он работал, обязательно было несколько архетипичных личностей. Обязательно был офисный м*дак, а чаще несколько. Обязательно был аквариум со змеями под названием «женская часть коллектива». И, обязательно был нормальный парень или мужик, с которым можно было со взаимной приятнью пообщаться на исконно мужские темы, поржать, потусоваться вместе в свободную минутку. В этом офисе у Бурого был Стасик. Стас был безобидным и позитивным парнем, правильно воспитанным, открытым и честным. Бурый всегда ценил эти качества – как и отменное чувство юмора Стаса.

– Тук-тук!

– Кто там?

– Это топ-менеджеры!

*– Пошли н*хуй отсюда!*

– ... топ топ топ топ

Дима заржал во всё горло. Он любил, как Стас рассказывал анекдоты.

Столовая в их бизнес-центре располагалась в подвальном

этаже. Дима бы предпочел видеть за едой небо вместо стен. Были и плюсы: на улицу выходить не надо, просто проехать-ся на лифте с этажа на этаж. Часы показывали обеденное время.

Дима со Стасом шли брать подносы. По дороге им попался Пингвин, который возбужденно говорил по мобильному телефону, полуобернувшись на стуле. Игорь сидел за столом в полном одиночестве.

Подхватив на ходу с другого столика перечницу, Бурый оторвал у неё верх и, поравнявшись со столом Пингвина, одним движением высыпал огромную горсть перца в суп за спиной увлечённого беседой недруга. Никто вокруг не заметил: зомби уткнулись в свои смартфоны. Дима пошел дальше, как ни в чем не бывало.

Набрав еды, они расположились в зале. Стасик планировал отпуск и был полон горьких размышлений по поводу бюджета этого мероприятия.

– Собираюсь в отпуск с семьей в Крым этим летом. – Стасик скривился: — Египет с Турцией остались только в семейных альбомах с таким курсом в обменниках. А ты куда?

Бурый улыбнулся.

– Увидишь, скоро на наших югах отдыхать дорожке за границей будет. Цены накрутят до небес через два сезона. – Бурый ткнул пальцем в потолок. — А я с девочкой на футбол в Питер и оттуда в Анапу. Есть у меня одна красавица.

– Не надоел тебе еще этот фанатизм?

– Я и фанатизм – это инь и ян. Какие могут быть ещё комментарии?

Стасик пожал плечами и как-то по-особенному тепло взглянул на него.

– Главное, голову береги.

Сзади послышался сдавленный хрип. Это Пингвин вскочил из-за стола, роняя ложку. Его лицо стремительно багровело. Одним лихорадочным залпом он залил в себя целый стакан сока, но это явно не помогло.

Перца было столько, что загасить этот пожар можно было только огнетушителем.

Глава 7. На районе

Девяностые до боли похожи на далёкие петровские времена, когда «прорубалось окно в Европу» и бояре повсеместно лишались своих бород, облачаясь в парики. Россия впитывала всё западное – жадно, без разбора. Последствия люди осмыслили только потом. Несмотря на историческую схожесть в экспансии западного культурного и потребительского влияния, ушедшая эпоха имела одно отличие: петровские времена оставили стране военные победы и захваченные земли, а девяностые годы в России оказались временем бесславных, безумно кровавых и жестоких горячих точек.

Девяностые пришлись на Димины школьные годы. В младших классах им присылали гуманитарную помощь западные фонды: в их школе раздавали банки немецкого сухого молока. Мама варила ему на этом молоке каши добрые полгода, для их семейного хозяйства это оказалось реальным подспорьем. Отец искал подработки, крутился как мог. Несколько раз в году за окном отчетливо были слышны звуки выстрелов где-то вдалеке. Время было голодное и злое.

Шоппинг у населения происходил исключительно на вещевых рынках: свой подростковый возраст Дима провел в шмотках с вьетнамского рынка – массового рынка брендовых вещей тогда, по сути, не существовало. Плееры были кассетными и дорогой плеер на людях лучше было не до-

ставать: уличные грабежи в открытую с применением насилия воспринимались как разновидность национального вида спорта – так, с девяностых у Бурого осталась привычка прятать часть денег в трудно обнаруживаемые места перед тем, как выходить в подъезд. Бухать и тусоваться в подъездах в те времена предпочитали практически все, денег было мало – поэтому высокая зона риска начиналась уже за дверью.

Количество злых и готовых идти на грабёж пацанов на улицах было стабильно высоким, понятия советской улицы ушли в прошлое и реальностью девяностых стал тотальный беспредел. В ход шли цепи и ножи, арматура и палки. Пока взрослые расстреливали друг друга в начавшемся переделе активов, молодые забивали друг друга руками и ногами просто от нечего делать или чтобы достать денег на очередную дозу. Зародилось и бурно расцвело клубное движение – наркотики и электронная музыка. Люди пробовали всё и прожигали жизнь на полную катушку. А что им оставалось? Молодость одна, а в обществе царили страх и неопределённость в завтрашнем дне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.